

РЕЦЕНЗИИ

L'Hermitte R. Marr, marrisme, marristes. Une page de l'histoire de la linguistique soviétique. P.: Institut du monde soviétique et de l'Europe centrale et orientale, 1987. 96 p. (Cultures et sociétés de l'Est, 8).

Книга французского исследователя Р. Лермита посвящена истории марризма как направления в советской лингвистике начиная от ранних работ Н. Я. Марра вплоть до опытов возрождения марристских идей в 60-70-е годы. Это уже далеко не первая работа такого рода в зарубежной науке. Особо следует выделить содержательную книгу Л. Томаса [1], тогда как у нас после вышедшего еще в начале 50-х годов двухтомника [2] не было ни одной книги, специально посвященной марризму, а его история вообще никогда не рассматривалась сколько-нибудь детально.

В отличие от большинства своих предшественников Р. Лермит не считает нужным давать научное опровержение «нового учения о языке» Н. Я. Марра, считая его очевидно абсурдным; по его мнению, марризм не относится к истории науки, это страница истории отношений между наукой, идеологией и политикой в СССР (с. 96).

В первой главе описывается жизнь и деятельность Н. Я. Марра. Р. Лермит считает, что его имя может остаться в истории науки лишь благодаря его ранним кавказоведческим работам; все же идеи Н. Я. Марра 20-30-х годов нельзя назвать даже гипотезами, это лишь произвольные ассоциации (с. 16). Показано, как постепенно эти идеи превращались в официально признанный догм. Переломным моментом Р. Лермит обоснованно считает дискуссии в Коммунистической академии в феврале-марте 1929 г., когда был подвергнут травле Е. Д. Поливанов, выступивший против марризма. Победа «нового учения о языке» вполне справедливо связывается с политической обстановкой в стране в 1929 г., когда свершился переход к централизованной власти И. В. Сталина, а в любой области науки и культуры появлялись вожди (с. 24-25). (Отмечено, что установлению полного господства Н. Я. Марра способствовало выступление И. В. Сталина на XVI съезде ВКП(б), где утверждалась марроновская идея о бу-

дущем всемирном языке. Р. Лермит показывает основные этапы раздувания культа Н. Я. Марра и подавления инакомыслия в языкознании в начале 30-х годов.

Во второй главе описывается история советского языкознания в период между смертью Н. Я. Марра и выступлением Н. В. Сталина по вопросам языкознания. Убедительно показано, как постепенно установился компромисс между наукой и «новым учением о языке», как последователи Н. Я. Марра во главе с И. И. Мещаниновым, сохраняя ряд положений своего наставника (прямое отражение социальных структур в языке, классовость языка, стадийность), отошли от элементарного анализа, тезиса об изначальности кинетической речи и многого другого, составлявшего суть учения Н. Я. Марра. Работы И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона, В. М. Жирмунского, написанные в то время, автор в целом оценивает положительно, отмечая оригинальность ряда их идей. Обращает внимание Р. Лермит и на вполне лояльное отношение к западной науке в те годы. Однако с 1948 г. в языкознание проникли «холодная война» в лысенковщина (с. 58). Приводится хроника печальных событий 1948-1950 гг. в советском языкознании, автор отдает должное поведению М. Н. Петерсона и П. С. Кузнецова, не отрекшихся от своих взглядов.

Далее автор книги описывает ход дискуссии в «Правде», начавшейся публикацией статьи А. С. Чикобава, который, как отмечает Р. Лермит (с. 68), всегда был противником Н. Я. Марра и его учения. Замечая, что уже при открытии этой дискуссии предполагалось участие в ней И. В. Сталина, Р. Лермит ставит вопрос о причинах вмешательства вождя в вопросы языкознания. Он указывает, что на этот вопрос до сих пор нет определенных ответов, и выдвигает ряд гипотез (с. 73-75). Среди них одна заслуживает несомненного внимания. Р. Лермит отмечает связь между выступ-

лением И. В. Сталина по вопросам языкознания и общим изменением его позиции, в которой классовый подход все более уступал место национальному. В одном ряду с разгромом школы М. Н. Покровского (много помогавшего Н. Я. Марру), восстановлением ряда традиционных институтов, подчеркиванием роли русского народа вполне естественно стоял восстановление традиционного языкознания и осуждение марровских идей, рассчитанных на политическую конъюнктуру 20-х годов (с. 74). Другие гипотезы достаточно наивны и неубедительны — вроде предположения о том, что И. В. Сталин перенес на ленинградца Н. Я. Марра нелюбовь к Ленинграду. Перечень возможных причин автор завершает догадкой о том, что И. В. Сталин после двадцатилетней поддержки марризма мог якобы просто оценить ситуацию с позиций здравого смысла и сказать: «Хватит!» (с. 75).

В третьей главе изложена последующая судьба марризма. Автор не склонен проводить параллель между событиями 1948 г. в биологии и событиями 1950 и последующих лет в языкознании; по его мнению, с лысенковщиной скорее сопоставим сам марризм; к тому же после 1950 г. в языкознании не было суровых репрессивных мер и марристы не были вне закона (с. 79). Отмечено, что после десятилетия полного отказа от марризма с 60-х годов начинается его постепенное восстановление в правах. На наш взгляд, Р. Лермит понимает это восстановление слишком широко, причисляя сюда и выпуск юбилейного сборника в честь И. И. Мещанинова, и публикацию статьи В. И. Абаева о дегуманизации науки, в основном написанной с позиций классического компаративизма, отрицавшего ее в марризме, и распространение идей об особой роли русского языка. совершенно не свойственных Н. Я. Марру. Но верно отмечена проявлявшаяся в ряде работ некоторых бывших марристов тенденция к новой социологизации языкознания, к полному отрицанию достижений зарубежной науки XX в., а также к восстановлению в правах идей Н. Я. Марра, хотя и не в полном объеме. Об этом, впрочем, еще в 1983 г. писал Б. А. Серебренников [3].

В последней главе говорится об отношении к марризму за пределами СССР. Автор показывает, что оно было почти всегда отрицательным независимо от философских или политических взглядов лингвистов. Западные языковеды-марксисты до 1950 г. либо избегали упоминать «новое учение о языке» (М. Коэн), либо выступали против него (О. Соважо). Рассказывается о том, как в 1948—1949 гг. в странах Восточной Европы, особенно

в Чехословакии, внедрялся марризм; к июню 1950 г. этот процесс не успел завершиться (с. 89—91). В другом месте сказано, что несмотря на разгар «холодной войны» отношение многих западных ученых, в том числе Ж. Вандриеса, к появлению работ И. В. Сталина было вполне одобрительным (с. 80).

В целом, несмотря на ограниченное количество привлеченных материалов и слишком краткое изложение ряда вопросов, Р. Лермит дает четкую и в целом правильную картину тех трудностей, которые испытала советская лингвистика в сталинское время. Большинство выводов автора не вызывает возражений.

Среди существенных замечаний, помимо указанных выше, отметим еще одно. Автор слишком склонен верить утверждениям марристов о тождестве «нового учения о языке» и «марксистского языкознания». Влияние марксизма Р. Лермит усматривает даже в работах 1922 г. (с. 13), хотя сам Н. Я. Марр и его биограф В. Б. Аптекарь указывали, что тогда Н. Я. Марру марксизм не был известен; «марксизмом» автор почему-то считает положение о связи истории слов с историей первобытного общества (с. 16); даже отказ Н. Я. Марра от признания языкового родства назван шагом в синтезе яфетидологии и марксизма (с. 14). О марризме как применении марксизма-ленинизма к языкознанию говорится и в связи с событиями 1948—1949 гг. (с. 67). Между тем лишь с конца 20-х годов Н. Я. Марр начал с явно конъюнктурными целями приспособлять свое «новое учение о языке» к учению К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако приспособление было проведено не полностью (идеи Н. Я. Марра о классах в первобытном обществе противоречили трактовке первобытно-общинной формации у Ф. Энгельса, что позднее создавало немало сложностей для канонизаторов Марра) и нередко сопровождалось прямой фальсификацией идей основоположников марксизма, особенно Ф. Энгельса, который, как известно, полностью принимал языковое родство и другие постулаты сравнительно-исторического языкознания [4—6] и даже собирался писать сравнительную грамматику славянских языков, отказавшись от этого намерения лишь потому, что эту задачу уже осуществил Ф. Миклошич [7]. Утверждения Н. Я. Марра и пропагандистов его идей — В. Б. Аптекаря и С. Н. Быковского — во многом соответствовали той вульгаризации марксизма, которая была типична для сталинского времени, но были далеки от реального учения классиков марксизма.

Не всегда можно согласиться и с частными оценками Р. Лермита. Вряд ли

можно считать близкой к марризму книгу В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка», в оценке которой Р. Лермит излишне суров (с. 28). К числу языковедов, принявших марризм, необоснованно отнесен Л. Р. Зиндер (с. 65). Трудно поставить в один ряд одновременно опубликованные во время дискуссии в «Правде» в 1950 г. статьи Г. С. Ахведиани и Т. П. Ломтева (с. 72): первая из них последовательно антимарристская, вторая же противоречива и содержит немало марристских положений вплоть до отрицания языкового родства.

Таких спорных оценок, однако, не так много. В то же время в книге, к сожалению, много мелких фактических неточностей. Некоторые из них связаны с ограниченностью источников, использованных Р. Лермитом. Так, ему, по-видимому, известны лишь два первых тома «Избранных трудов» Н. Я. Марра, на которые он постоянно ссылается и даже пытается подчитать научную продуктивность Н. Я. Марра по годам на основании того, сколько работ каждого года помещено в этих томах (с. 28). Но такая продуктивность была равно высокой все последние годы жизни Н. Я. Марра до инсульта в 1933 г., а «Избранные труды», включившие в себя далеко не все из написанного им по лингвистике, состоят не из двух, а из пяти томов. События 1948—1950 гг. воссоздаются на основе действительно важного источника: «Известий АН СССР» серии литературы и языка. Однако хроника событий, хорошо восстанавливаемая по этому журналу для 1948 и 1949 гг., не даст такой возможности для первой половины 1950 г.: три первых номера журнала за 1950 г. так и не вышли (в том году появились лишь три номера вместо обычных шести, причем № 1, открывающийся работами Сталина, фактически соответствует № 4). Поэтому Р. Лермит предпологает, что будто бы уже с конца 1949 г. лишь стало проявляться изменение ситуации, через полгода влившееся в дискуссию, а назначенная на это время сессия памяти Н. Я. Марра не состоялась (с. 67). Однако до начала дискуссии в мае 1950 г. общая обстановка оставалась прежней, если не становилась хуже. Именно в это время противников марризма начали выгонять из научных учреждений и учебных заведений: были уволены Р. С. Ачарян и Г. А. Капанцян, представлены к увольнению П. С. Кузнецов и В. А. Серебренников. Постановление Президиума Академии наук от 12.04.1950 запрещало всякие сравнитель-

ные и сопоставительные исследования языков. Пышная сессия памяти Н. Я. Марра действительно состоялась 24—27 января 1950 г., но о ней успел появиться лишь один отчет А. Г. Спиркина [8].

Немало в книге и погрешностей в фактах, датах, именах, некоторые из них, возможно, объясняются незамеченными опечатками. Н. Я. Марр закончил университет не в 1890 г. (с. 11), а в 1888 г. Неверно указаны даты выступления И. И. Мещанинова на годичном собрании Академии наук (с. 38), ареста и гибели Е. Д. Поливанова (с. 48), смерти Г. О. Винокура (с. 62). Тесно связанный в 20-е годы с Н. Я. Марром языковед В. Б. Томашевский на с. 18 спутан с далеким от марризма литературоведом Б. В. Томашевским. Академик А. И. Соболевский (1856—1929) назван на с. 19 в числе молодых лингвистов, начинавших в 20-е годы свою деятельность.

Несмотря на все эти неточности, книга Р. Лермита представляет интерес для читателя как краткая история советского языкознания в самый трудный его период. Необходимо дальнейшее, более углубленное и связанное с привлечением новых материалов исследование этой проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Thomas L. L. The linguistic theories of N. Ya. Marr. Berkeley; Los Angeles, 1957.
2. Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Т. 1—2. М., 1951—1952.
3. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
4. Энгельс Ф. Франкский диалект // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 523, 524—525, 528.
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 333—334.
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 86—87, 93, 135.
7. Энгельс Ф. Письмо Ф. Лассалю // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 477.
8. Спиркин А. Г. Научная сессия, посвященная 85-летию со дня рождения и 15-летию со дня смерти Н. Я. Марра // ВФ. 1949. № 3.

Алпатов В. М.